

Доктор остался с мамой, а меня повели наверх, в отделение неврологии. Уже за дверью приёмного услышала негромкий голос врача: «Слишком долгий инкубационный период... Надо было раньше...» Значит, это правда... Сразу вспомнился семиклассник из нашей школы, который умер в мае от этой болезни. Несмотря на сильнейшую лихорадку, внутри меня всё застыло... Я, как робот, вошла в большую палату вслед за санитаркой.

2

Впервые за свою недолгую жизнь я не думала о будущем. То, что я умираю, витало в воздухе. Уколы. Уколы. Ещё уколы. От запаха спирта тошнило и охватывал ужас. Ужас смерти. Но рядом всё ещё была жизнь. Женщины в палате были добрейшие. Зная о моём плачевном состоянии, они делали вид, что всё о'кей, ничего страшного. Их житейские истории, смешные и грустные, которыми они обменивались вечером, перед сном, отвлекали. По утрам, перед обходом, больные убирали палату кто как мог. В отделении не хватало санитарок. Вытирая пыль на моей тумбочке и кровати, тётя Таня напевала: «Ой, девки, беда, потеряла брошку, до смерти люблю милого Алёшку!»

Все с нетерпением ждали обхода. Перед доктором с суровой фамилией Сибирский трепетали. Он стремительно входил в палату. И его строгий взгляд сразу падал на меня. После этого он начинал обход. А моё сердце колотилось с бешеной скоростью. Когда садился ко мне, последней, на кровать и брал мою руку, чтобы нащупать пульс, он был неизменно сто двадцать ударов в минуту. Николай Михайлович недоумевал: «Ну что это такое?! Мы же колем огромное количество сердечных!» Нужно было сказать, что это от страха... Но, пока он был рядом, смерть отступала и где-то далеко маячила крохотная надежда.

После обхода ко мне приходила мама, она приносила что-нибудь вкусненькое и ягоды, которые уже успела набрать в роще. Ей было нелегко скрывать свой страх и свою

Наджия Макогонова

ВСТРЕЧА

быль

С благодарностью доктору Сибирскому

1

Умирать в шестнадцать лет было как-то нелепо. Не входило в мои планы. Когда мама, запыхавшись от бега, едва не плача, выдохнула: «Тебя клещ кусал?» – я даже головой не смогла кивнуть: шея не позволила. Но мама поняла. «Собирайся, скорая уже едет». Уставшая за последние дни от моей непонятной болезни, от бесполезных приездов бригады скорой помощи и визитов участкового врача, она в отчаянии побежала в поликлинику, к главному врачу. Тот поставил диагноз сразу, «заочно»...

В приёмном покое больницы меня осмотрел доктор, худощавый, высокий, сутуловатый мужчина лет сорока – пятидесяти. «Что?.. Где?.. Когда?..» Он поколол меня иголкой, совсем не больно, попробовал наклонить мою голову к подбородку. Не получилось. И его суровое лицо стало ещё сумрачней.

боль, она была на грани от переживаний. Но она держалась. И я держалась.

А после, весь день, ко мне шли посетители. Все, кто хотел! Оказывается, доктор сказал, что кто-то всегда должен быть рядом со мной. Я принимала моих гостей, лёжа в постели, периодически впадая в забытье и возвращаясь назад. Но они, мои дорогие, не давали мне забыть о смерти.

3

Когда наступало время отбоя и всё затихало в коридорах больницы, я думала о прошлом. О том месяце, когда меня укусил клещ, особенно. По иронии судьбы, это было самое счастливое время моей жизни. Не считая золотых дней детства, когда был жив папа.

Откуда оно было, это острое ощущение счастья? Летняя практика девятиклассников. В тайге за Иртышом, на маленьком кордоне, в окружении стройных красавиц-сосен, под бездонным куполом синего-синего неба – это была сказка! А мои одноклассники? А наш классный, которого мы между собой ласково называли Геней? Мы ведь были одной семьёй, мы были незримо связаны узами Любви. А ещё бушующее чувство безграничной свободы, которое ощущалось не просто кожей, а каждой клеточкой моего организма. И, главное – это огромная радость причастности к этому прекрасному миру.

4

Теперь я понимала, что этот мир, как песок сквозь пальцы, ускользает от меня. И в какой-то момент я с грустным удивлением обнаружила, что смотрю на всё и на всех, как из-за стекла. Я вспомнила, как умирал Андрей Болконский – один в один. Хотя не было у меня его спокойствия на пороге смерти. Он верил в вечную жизнь, а я нет. Я ничего о ней не знала. Я пожалела о моей короткой земной жизни, о том, что я ещё ничего не успела сделать, и о том, что не сбудется моя главная мечта – я не стану мамой. Никогда.

Вот здесь и пролились мои первые слёзы. Но я держалась. Каждое утро приходила мама. Она с тревогой спрашивала, что мне снилось этой ночью. Ей это казалось очень важным. А мне снились хорошие сны – я видела во сне папу. Впервые за эти пять лет без него он приходил ко мне каждую ночь, брал меня за руку, и мы шли куда-то далеко-далеко... Мама тяжело вздыхала, сдерживала слёзы. А однажды не выдержала, заплакала. Я гладила её по руке, успокаивая, обещала, что я обязательно выздоровею. Когда она ушла, я наревелась всласть. Но легче не стало.

5

Я всё больше и больше думала о ней, о смерти. Я с ней смирилась почти. Теперь мне хотелось знать, как она меня возьмёт. Однажды она подошла совсем близко.

Был душный тёмный вечер. Там, снаружи, за больничными стенами, надвигалась гроза. Нестерпимо болела голова, жар застилал глаза, боль, как железными клещами, скручивала позвоночник. Наверное, началось. А мамы нет рядом... На секунду в палату заглянул доктор, бросил встревоженный взгляд на меня, как обычно. Но не подошёл. У него тяжёлая больная с обширным инсультом. Медсестра с очередным уколом участливо поправила подушку. «Потерпи, моя хорошая... Сейчас станет легче». Мысленно зову маму, но вместо мамы ко мне подходит моя тётя Фая, двоюродная сестра папы. Оказывается, её сегодня положили в наше отделение. Она садится рядом. Её мягкие руки нежно гладят мою спину, а тихий голос говорит и говорит что-то доброе и ласковое. И я засыпаю...

6

Всё разрешилось неожиданно. Я снова увидела во сне папу. Это был ослепительно-яркий сон, как и все предыдущие, где мы были вместе с ним. Мы шли по парку аттракционов, праздник сверкал и фонтанировал красками, звуками, радостью. Мы остановились перед колесом обозрения.

«Ты хочешь покататься?» – спросил папа. «Хочу», – ответила я. «Возьми», – в мою открытую ладонь он высыпал горсть мелочи. Зажав в руке деньги, я побежала к колесу обозрения.

Когда утром я рассказала этот сон маме, она радостно всплеснула руками: «Теперь ты выздоровеешь!»

К вечеру жар спал окончательно!.. Наутро мой суровый доктор сиял!.. Он велел мне встать и приказал ходить, ходить и ходить!

Через неделю была выписка. Я опоздала на обход из-за утренней прогулки. Когда я вошла в палату, доктор сидел на кровати и улыбался. Он ждал меня. «Ну вот, я выпи-сываю тебя... А ведь ты должна была умереть», – по-прежнему улыбаясь, сказал Николай Михайлович. «Спасибо вам, вы меня вылечили», – робко ответила я. Он покачал головой: «Нет, я тут ни при чём».

А кто тогда?! Жаль, что я не спросила это у моего доктора. Кто вернул мне этот прекрасный мир, радость от простого ощущения, что я живу, дышу, вижу, чувствую? Мамины слёзные молитвы до исступления, до сердечных приступов? Или папины ходатайства там, за золотыми облаками?

Быть может, мой дорогой доктор с красивой фамилией Сибирский сказал бы мне тогда, что это была встреча с Богом...